

Скромное обаяние Китая

Пекин творчески развивает американскую концепцию «мягкой силы» | **ОЛЬГА БОРОХ, АЛЕКСАНДР ЛОМАНОВ**

В середине октября 2007 года в Пекине состоялся XVII съезд компартии Китая, который подвел итоги первых пяти лет правления нынешнего руководства во главе с Ху Цзиньтао. В отчетный доклад ЦК КПК вошли новые лозунги, в том числе призывы к созданию «гармоничного общества» внутри Китая и «гармоничного мира» за его пределами. Всего за три года лозунг «гармонии» вошел в официальную идеологию и стал одним из символов правления Ху Цзиньтао. На XVII съезде он не только прозвучал в докладе, но и был закреплен в обновленной редакции устава партии. Это гарантирует новому лозунгу устойчивое место среди программных целей КПК и после 2012 года, когда Ху Цзиньтао должен будет уступить партийное руководство преемнику.

Первоначально планы строительства «гармоничного общества» были нацелены на решение внутренних социально-экономических и политических проблем страны. Однако с появлением этого лозунга китайское руководство обрело возможность обновить и внешнеполитический дискурс. В предыдущие годы сделать это было непросто, поскольку зарубежных партнеров не привлекала внутренняя идеология «специфически китайского социализма», соединявшая идеи марксизма с его последующими толкованиями, предложенными Мао Цзэдуном, Дэн Сяопином и Цзян Цзэмином. Несмотря на присутствие в официальной идеологии

КПК реформаторских установок, провозглашающих приоритет экономического развития и отказ от классового соперничества с буржуазией, социалистические лозунги напоминали Западу о временах холодной войны и противостояния двух систем. Это вынуждало Пекин вновь и вновь повторять, что нынешний Китай совсем не похож на бывший СССР. И вот новый лозунг «гармонии» позволил китайским властям увязать внутривнутриполитическую программу строительства «гармоничного общества» с внешнеполитической стратегией создания «гармоничного мира».

К гармоничному миру во всем мире

Поиск новых пропагандистских формулировок для внешнеполитической стратегии Китая активизировался после прихода к власти Ху Цзиньтао. Растущая мощь Китая стала важным фактором в международной политике. На этом фоне за рубежом появились опасения, что у Пекина могут возникнуть экспансионистские устремления, способные привести к военным конфликтам. Пытаясь успокоить мировое сообщество, новое руководство заявило о том, что Китай может быть сильным и могучим, не нанося ущерба другим странам. Китайские власти пришли к выводу о необходимости изменить мировое общественное мнение в свою пользу, пропагандируя тезис о мирном пути развития страны, никому не угрожающем и сулящем выгоду всему человечеству.

Поначалу руководство КНР сделало ставку на лозунг «мирного возвышения», который впервые был представлен общественности в 2003 году в выступлении проректора Центральной партшколы КПК Чжэн Бицзяня. Китайские эксперты немедленно развернули ширококомасштабное пропагандистско-комментаторское обсуждение этого лозунга. На страницах общественно-политических изданий появились многочисленные статьи о «мирном возвышении», были проведены научные конференции, в сжатые сроки подготовлены обобщающие исследования. В конце 2003-го – начале 2004 года о «мирном возвышении» неоднократно высказывались Ху Цзиньтао и премьер Вэнь Цзябао.

Однако летом 2004 года этот лозунг был выведен из официального пропагандистского употребления. Амбициозное упоминание о

впервые выдвинул идею «совместного построения гармоничного мира» в апреле 2005 года в Джакарте. В тот же год в сентябре на праздновании 60-летия ООН председатель Ху предложил создать «гармоничный мир совместного процветания».

Попытка связать воедино «гармоничные» ценности китайской традиции, современные цели КНР и внешнюю политику страны прозвучала в выступлении Ху Цзиньтао в Йельском университете в апреле 2006 года. Он заявил, что китайская цивилизация всегда придавала большое значение социальной гармонии, единству и взаимной помощи, теперь же Китай приступает к строительству гармоничного общества. При этом, подчеркивал руководитель КНР, китайская цивилизация всегда уделяла внимание хорошим отношениям с соседями и стремилась к тому, чтобы все страны жили в гармонии друг с

“Для обоснования внешнего курса китайские власти привлекают гуманистические ценности традиционной конфуцианской мысли”.

«возвышении» (*цзюэци*) Китая, пусть даже «мирном», по-прежнему тревожило иностранную аудиторию. К тому же в ходе обсуждения в китайском экспертном сообществе стало ясно, что данный лозунг вызывает сомнения и неоднозначные трактовки внутри страны. В результате власти вернулись к лозунгам «мира и развития» эпохи 1980-х годов, провозгласив основополагающей внешней стратегией Китая «мирное развитие»¹.

После неудачи с «мирным возвышением» китайские власти решили приступить к формированию позитивного имиджа за рубежом, привлекая для обоснования внешнего курса гуманистические ценности традиционной конфуцианской мысли, в которой издревле почитались «гармония» и приверженность «золотой середине». Китайский лидер Ху Цзиньтао

другом. В наши дни Китай выступает за мир, развитие и сотрудничество, придерживается стратегии открытости в интересах взаимной выгоды, «стремится использовать достижения других цивилизаций для продвижения к миру и развитию через сотрудничество, стремится играть свою роль в строительстве гармоничного мира, длительных мирных [отношений] и общего процветания»².

Одобренные высшим руководством лозунги «гармоничного общества» и «гармоничного мира» оказались в центре внимания китайского экспертного сообщества, приступившего к пропагандистско-разъяснительному обсуждению новаций. Заместитель директора Бюро переводов при ЦК КПК³, глава Центра сравнительных политических и экономических исследований Юй Кэпин,

которого в Китае считают человеком, к чьим советам прислушивается Ху Цзиньтао, истолковал лозунг «гармоничного мира» в терминах современной политологии: «Выдвинутая Китаем теория гармоничного мира имеет много общего с распространенной в мире теорией глобального управления. Обе они коренятся в заботе об общей судьбе человечества, обе выступают против унилатерализма и гегемонизма, обе подчеркивают решение общих вопросов каждого государства через международное сотрудничество, обе выступают против “мира, управляемого Америкой”, и подчеркивают повышение роли ООН, обе настойчиво утверждают новый мировой политико-экономический порядок... Это китайский взгляд на глобальное управление, это мировоззрение Китая в условиях новых реалий и тенденций в изменяющемся мире; его можно рассматривать как выдвинутую китайской официальной стороной версию “глобального управления” (*global governance*, кит. *цюаньцзю чжили*. — О.Б., А.Л.)»⁴.

В формулировках Юй Кэпина «гармоничный мир» представляет собой извечное требование человечества и являет собой новую интерпретацию высокого идеала «Великого единения Поднебесной»⁵ времен китайской древности. Политолог подчеркивает, что замысел «гармоничного мира» есть продолжение китайского замысла «гармоничного общества»: они взаимосвязаны, у них сходные ценностные ориентиры и общая политическая логика. В официальной пропаганде в качестве нормативных характеристик «гармоничного общества» перечисляются «демократия и власть закона, равенство и справедливость, искренность и дружба, полнота жизненных сил, стабильность и порядок, гармония между человеком и природой». По мнению Юй Кэпина, «гармоничный мир» предполагает «создание демократичного, справедливого и равного мирового политико-экономического поряд-

ка, реализацию в мире долгосрочного и всеобщего процветания. Как и гармоничное общество, идеальный гармоничный мир также должен быть миром многообразия, демократии, справедливости, терпимости, доверия, сотрудничества, взаимопомощи, устойчивого развития». Помимо этого, идеал «гармоничного мира» предполагает установление гармонии в отношениях человека и природы, разумное освоение и использование природных ресурсов.

Отметим, что китайский план мировой гармонии построен на ценностях, которые могут оказаться привлекательными для многих стран. Как пишет Юй Кэпин, выдвигая идею «гармоничного мира», китайское правительство исходило из того, что к такому ценностному идеалу стремится все человечество, а «мир и развитие как две великие темы современности являются важнейшим содержанием строительства гармоничного мира». При этом по мере углубления экономической глобализации интересы государств и народов будут становиться все более многоплановыми, политика — более многополярной, культура — более многообразной. Следовательно, подчеркивает китайский политолог, между странами и народами все более будут востребованы взаимная терпимость и уважение, мирное сосуществование, реализация древнекитайского идеала «единства без унификации»⁶, предполагающего сохранение различий в общности и отвергающего обеспечение единства путем подчинения. В условиях современного мира это означает, что Китай будет выступать против попыток «силой навязывать ценности и строй собственной цивилизации другим государствам». Подтекст тут очевиден: когда США используют «жесткую силу» для распространения своих ценностей, Китай подчеркивает идеи невмешательства в чужие дела и уважение к многообразию путей развития стран и культур.

Юй Кэпин утверждает, что новая международная стратегия Китая должна быть нацелена на активное участие в процессе глобализации и выработке глобальных правил, на продвижение политического, экономического, культурного и международного сотрудничества по всем направлениям. Китай должен играть еще более активную роль в международных делах, старательно защищать многополярность мирового сообщества и многообразие культур всех народов, направлять и осуществлять демократизацию международных отношений, реализовывать новый мировой политико-экономический порядок, придерживаться мультилатерализма и многосторонней дипломатии. При этом «гармоничная дипломатия» КНР должна отстаивать общие интересы всего человечества; вкратце ее можно описать формулой «диалог и консультации, сотрудничество и совместная выгода, поиск общего при сохранении различий, толерантность и открытость»⁷.

Предлагая модель «гармоничного» глобального управления, идеологи КПК размышляют о том, в какой мере данная концепция предполагает ответственность страны за происходящее в мире. Профессор Института международных стратегических исследований Центральной партшколы КПК, заведующий сектором дипломатии Китая Лю Цзяньфэй отмечает, что после того, как бывший заместитель госсекретаря США Роберт Зеллик в сентябре 2005 года назвал Китай «ответственным участником» международных отношений (*responsible stakeholder*, Лю переводит это словосочетание как «несущая ответственность заинтересованная сторона»), «теория ответственности Китая» распространилась на мировой арене⁸. По мнению Лю Цзяньфэй, это означает, что Запад постепенно отказывается от прежних односторонних представлений о приближающемся крахе Китая или «китайской угрозе».

Напомним, что в конце 1990-х годов китайские пропагандисты не жалели сил на критику зарубежных искажений образа Китая — одна за другой опровергались теории «краха Китая», «китайской угрозы», «экспорта Китаем дефляции»⁹. Китайские эксперты высказывали предположения, что противоречащие друг другу концепции «угрозы» и «краха» направлены на дискредитацию страны в угоду неким «враждебным силам», которые стремятся ослабить Китай. Если «теория угрозы» имела целью оправдать в глазах международного сообщества политику сдерживания КНР, то «теория краха», привлекая внимание к политическим рискам и грядущим социальным катаклизмам, должна была отпугнуть иностранных инвесторов.

Появление новой «теории ответственности Китая», по мнению Лю Цзяньфэй, вовсе не случайно: Китай — быстро развивающееся крупное государство, и другие страны полагают, что он будет играть важную роль в мировых делах. Однако, отмечает китайский эксперт, разные государства и международные силы пользуются «теорией ответственности Китая» с разными целями. Многие развивающиеся страны искренне приветствуют быстрый рост Китая и радуются этому в надежде, что Китай сможет внести значительный вклад в защиту их общих интересов. А вот среди крупных стран Запада провозглашение «теории ответственности Китая» имеет двоякий смысл. С одной стороны, оказавшись перед фактом возвышения Китая, они пытаются заново сконструировать свои отношения с этой страной, вовлечь Китай в возглавляемую ими систему международных отношений, сделать его «участником, разделяющим ответственность», с тем чтобы он вместе с ними поддерживал существующий мировой порядок. С другой стороны, по мере того, как «теория краха Китая» и «теория китайской угрозы» теряют популярность, на Западе пытаются найти новые слова, чтобы

более эффективно влиять на Китай, «а если говорить более прямо — они хотят раскачать Китай и задуть его до смерти»¹⁰.

Лю Цзяньфэй отмечает, что для США выдвижение «теории ответственности Китая» имеет глубокое стратегическое содержание: согласившись с этой концепцией, Китай должен будет ориентироваться на США и прочие западные страны и соответствующим образом изменить способ действий, ценностные воззрения и политическую систему, то есть осуществить полную «трансформацию». По мнению Лю Цзяньфэя, подчеркивая «ответственность Китая», США делают это односторонне — они говорят об ответственности Китая перед Америкой, но не об ответствен-

в обузу; в итоге на пути мирного развития Китая возникнут препятствия, а возвышение потерпит неудачу.

Лю Цзяньфэй полагает, что следует определить международный статус с учетом реальных сил страны. Китай может считаться крупной региональной державой, которая обладает весом в международных делах, идет по пути социализма и находится в стадии развития. «В будущем в течение достаточно длительного времени международная ответственность Китая будет проявляться в основном не на материальном уровне, а на духовном. Иначе говоря, разделяя ответственность за положение дел в мире, Китай будет в основном прибегать не к жесткой, а

“В конце 1990-х годов китайские пропагандисты критиковали зарубежные искажения образа Китая, считая, что они направлены на дискредитацию страны”.

ности Америки. ЕС в диалоге с Китаем ведет себя по-иному и делает упор на равноправной партнерской ответственности обеих сторон; однако и эта формула не слишком выгодна для Китая — ведь при существующей разнице в уровнях развития равенство ответственности означает, что более слабый неизбежно оказывается объектом давления.

Тут возникает сложная дилемма. Если Китай пропустит адресованную ему «теорию ответственности» мимо ушей, это разочарует многие развивающиеся страны, а на Западе станут еще больше сомневаться в намерении Китая двигаться по пути мирного развития. Тогда «международные антикитайские силы» получают новый предлог для нападок на Китай; в этом случае страна может подвергнуться изоляции, а внешние условия ее развития ухудшатся. Однако если Китай возьмет на себя ответственность в соответствии с ожиданиями мирового сообщества, то чрезмерная ответственность может превратиться

к мягкой силе. Китай выдвинул многие подходы и идеи, которые соответствуют общим интересам народов всего мира и течению истории. Со временем их влияние будет все больше возрастать».

После прихода к власти руководства во главе с Ху Цзиньтао в работе по формированию образа Китая появились новые акценты. Китайские теоретики все чаще обращаются к предложенному американским ученым Джозефом Наем¹¹ понятию «мягкой силы» (*soft power*, кит. *жуань шили*), подразумевающее использование «нематериальных властных ресурсов» культуры и политических идеалов в интересах влияния на поведение людей в других странах — в отличие от воздействия с помощью «жесткой силы» оружия или денег. Превращение этой концепции, заимствованной из американской политологии, в компонент официальной партийной политики произошло на XVII съезде КПК, когда в докладе Ху Цзиньтао прозвучал при-

зыв «повышать культурную мягкую силу государства»¹².

Тема «мягкой силы» появилась в китайском обществоведении и публицистике еще в конце 1990-х годов, однако внимание властей и экспертного сообщества она привлекла в 2004-м. Китайские источники особо выделяют статью зам. премьера Госсовета КНР Цянь Цичэня, опубликованную в № 1 за 2004 год журнала «Гоцзи вэньти яньцзю» («Исследование международных проблем»). В ней утверждалось, что после событий 11 сентября США стали проводить антитеррористическую политику по всему миру, но попали в трудную ситуацию в Ираке. Эта стратегия, разработанная на основе превентивного использования «жесткой силы», уже доказала свою неэффективность. Она недооценила роль «мягкой силы» и международных институтов, что лишило Америку некоторых важных инструментов, необходимых для реализации стратегии национальной безопасности¹³.

Политолог Юй Кэпин призывает «четко осознать, что в эпоху глобализации надо эффективно защищать суверенитет государства, наращивать государственную мощь. Экономической и военной силы тут далеко не достаточно, нужны еще силы политики, культуры, морали и справедливости»¹⁴. Одним из источников «мягкой силы» КНР должна стать «гармоничная» дипломатия, построенная на идеях многообразия моделей развития, поддержания глобальной стабильности и создания условий для «всеобщего процветания», в котором заинтересованы прежде всего развивающиеся страны.

Мягкое побеждает твердое

Внутри страны китайские эксперты видят два основных источника «мягкой силы»: богатство национальной культуры и успех китайской модели модернизации. Заимствованная из Америки идея Джозефа

Ная о несилевом воздействии на другие страны нашла в Китае благодатную почву для культурной адаптации. В китайском изложении она зачастую обретает даосский оттенок — рассуждая о «мягкой силе», современные эксперты часто вспоминают древнюю мудрость: «В Поднебесной самое мягкое одерживает верх над самым твердым»¹⁵. Заместитель руководителя орготдела Центральной партшколы КПК Чжао Чанмао привел эту цитату вместе с высказыванием американского стратега Збигнева Бжезинского о том, что успешный контроль над судьбами человечества зависит от философии и культуры: из них возникают концепции и идеи, которые, в свою очередь, влияют на политическое поведение людей. По мнению Чжао, «в этих двух фразах — истина мягкой силы»¹⁶. Китайские эксперты нередко вспоминают и о том, что еще в глубокой древности их предки размышляли над тем, как использовать инструменты «мягкой силы» для победы в конфликте «жестких сил». В подтверждение они приводят слова основоположника школы военного искусства Сунь-цзы (VI — нач. V в. до н.э.) о том, что «лучшее из лучшего — покорить чужую армию, не сражаясь»¹⁷.

В процессе пропагандистско-комментаторского обсуждения концепции «мягкой силы» в кругу китайской интеллектуальной элиты возникли разногласия между сторонниками ее политического и культурного истолкования. Политическую трактовку предложил влиятельный ученый Янь Сюэтун, возглавляющий Институт международных проблем университета Цинхуа. По его мнению, комплексная сила страны сочетает в себе «жесткую» и «мягкую силу», но это не сумма, а произведение двух компонентов, а потому при утрате «мягкой» или «жесткой силы» совокупная национальная мощь становится равной нулю. «Мягкую силу» Янь определяет как «способность госу-

дарства к политической мобилизации внутри и вовне» — это способность использовать материальные ресурсы, но сама по себе материальным ресурсом она не является¹⁸.

Ученый предлагает представить траекторию развития «мягкой силы» Китая за последние тридцать лет в форме иероглифа *чжи*, напоминающего латинскую букву *N*: в первое десятилетие реформ в 1980–1988 годах «мягкая сила» возростала, в 1989-м после трагических событий на площади Тяньаньмэнь упала до нуля, а потом вновь начала медленно расти. Янь Сюэтун прирав-

ционные возможности снижаются. Указывая на идеологию «гармоничного общества» и «гармоничного мира» как на «ясное стратегическое направление повышения мягкой силы Китая», Янь Сюэтун признает, что за 20 лет реформ в стране прочно укоренилась идеология наживы и теперь властям будет непросто совместить планы построения «гармоничного общества» с курсом на приоритет экономического развития. Экономический перекокс вреден и для внешней репутации страны: «Опасно, когда экономическая выгода превращается в высшую цель внешней политики госу-

“Внутри страны китайские эксперты видят два основных источника «мягкой силы»: богатство национальной культуры и успех китайской модели модернизации”.

нивает «мягкую силу» к политической силе страны. По его мнению, она слабее экономической силы Китая, но сильнее военной силы: Китай торгует со всеми континентами, оказывает политическое влияние на сопредельных территориях, а его военное влияние проявляется лишь в пограничных регионах. Ученый выступает против экономического детерминизма, полагая, что наличие крупных финансовых ресурсов не повышает способности государства к политической мобилизации внутри и вовне. По мнению Янь Сюэтун, в 1970–1980 годы экономика КНР была менее развитой, чем теперь, а возможности политической мобилизации на международной арене были выше, чем сейчас.

Главную угрозу «мягкой силе» Янь видит в социальной дисгармонии внутри страны. Положительная оценка китайских реформ за рубежом повышает статус и мобилизационные возможности КНР, и в этих условиях все большее число стран готово прислушаться к китайским советам. Напротив, при обострении проблем социальной несправедливости в стране международный образ и мобилиза-

дарства, это запросто может вызвать страх у международного сообщества»¹⁹. Эксперт советует китайской дипломатии думать не только о мирных условиях для экономического развития страны, но и об улучшении ее образа в мире и расширении дружеских связей.

Янь Сюэтун считает, что «мягкая сила» не сводится к созданию позитивного образа национальной культуры во внешнем мире, что выделяет его взгляды среди других китайских экспертов, участвующих в обсуждении этой темы. Он заявил, что наращивание культурной силы, которая включает в себя всеобщее образование, науку и технику, литературу и искусство, новостные СМИ, телевидение и кино, не означает укрепления «мягкой силы» государства. Усиление политической мощи государства стимулирует развитие его культурной силы, но приращение последней не обязательно ведет к росту политической силы. Поэтому в истории случалось, что государства с развитой культурной силой приходили к упадку — это произошло с Римской и Британской империями, а также с последней китайской императорской династией Цин.

Янь полагает, что «культурная сила СССР в 1991 году была намного выше, чем в 1951-м, однако умножение культурной силы не помогло сохранить целостность страны»²⁰.

С другой стороны, слабость культурной силы вовсе не означает слабость «мягкой силы» государства. Так, во время «культурной революции» 1966–1976 годов культурная сила Китая была, по мнению Янь Сюэтуна, серьезно ослаблена, однако в 1971-м Китай получил широкую политическую поддержку стран Третьего мира, обрел место в ООН и кресло постоянного члена Совбеза, что повысило международный вес и влияние страны. В 1978 году, когда в КНР начались преобразования, культурная сила была ненамного больше, чем при «культурной революции», однако реформы и открытость дали стране возможность заручиться широкой междуна-

все время воюют, поэтому от них ждут новых войн и многие верят, что они собираются напасть на Иран. Китай с 1984 года не воевал, поэтому зарубежные прогнозы, касающиеся военного наказания «тайваньских сепаратистов», звучат не так часто. Япония же не участвовала в военных конфликтах более полувека, поэтому о том, что Токио мог бы нанести удар по северокорейским ядерным объектам, речь вообще не идет. Эксперт полагает, что с 2005 года, когда Китай приступил к осуществлению внешней политики «гармоничного мира», он улучшил свою стратегическую репутацию, отчего его способность к международной мобилизации повысилась по сравнению с первыми годами XXI века.

Проведение культурных мероприятий за рубежом помогает иностранцам понять и узнать Китай, но это вовсе не означает, что

“Хотя в годы «культурной революции» Китай стал членом ООН, в целом страна была тогда на обочине мировой политики”.

родной политической поддержкой, и «мягкая сила» Китая заметно возросла.

Янь Сюэтун полагает, что Китаю нужно, прежде всего, думать об укреплении «стратегической репутации», которая лежит в основе доверия к нему со стороны других государств. Зарубежные партнеры должны быть уверены в том, что страна действительно будет проводить тот курс, о котором она заявила, не пытаясь ввести их в заблуждение. Одновременно другие страны должны быть уверены, что у Китая достаточно сил для реализации провозглашенной политики и она не приведет к провалу. Если такой уверенности не будет, другие страны вряд ли пожелают по своей воле выступить в поддержку политики Пекина. Стратегическая репутация в значительной мере основана на предшествующих действиях страны. Янь отмечает, что Америка и Израиль

благодаря этому иностранцы любят Китай и начнут поддерживать его политику. Янь Сюэтун отмечает, что среди иностранных экспертов, раздувающих «теорию китайской угрозы», многие любят китайскую культуру и хорошо о ней говорят. Поэтому надо от распространения китайской культуры переходить к укреплению стратегической репутации страны, что для возвышающейся крупной страны важнее экономических выгод. Нарращивать политическую силу нужно также через работу по решению внутренних проблем и строительству «гармоничного общества» в Китае, поскольку внутренняя мобилизационная способность является основой для внешней мобилизационной способности страны.

Тезисы Янь Сюэтуна вызвали дискуссию о том, какой должна быть «мягкая сила» Китая. Заведующий сектором России и

Центральной Азии Шанхайского института международных проблем Лу Ган не согласился с призывом взять за основу наращивание политической силы²¹. Он считает, что применительно к опыту СССР посылка о высоком уровне культурной силы накануне развала страны неверна. Все как раз наоборот, и в 1951 году культурная сила СССР была выше, чем в 1991-м. В то время СССР обладал идеологической привлекательностью, Ленин и Сталин были знаменем тогдашнего социалистического лагеря, советско-российская культура Пушкина, Толстого, Чайковского, Горького и Шолохова пользовалась огромным влиянием в восточных странах, особенно в Китае. Был привлекателен русский язык, который в 1950-е годы занимал в Китае место, сегодня принадлежащее английскому; большинство руководителей соцстран знали русский. «Но к 1991 году эти аспекты привлекательности советской культуры почти исчезли, что и стало одной из важных причин распада СССР», — полагает Лу Ган. Подобные рассуждения близки к мнению Джозефа Ная, отметившего, что СССР был более популярен в послевоенные годы и в 1950-е, после чего разоблачения 1956 года, снижение темпов экономического роста, вторжения в Венгрию и Чехословакию, а также неспособность создать собственную, привлекательную для молодежи поп-культуру привели к закату советской «мягкой силы»²².

Лу Ган отмечает, что хотя в годы «культурной революции» Китай стал членом ООН и поддерживал неплохие отношения со странами Третьего мира, в целом страна была тогда на обочине мировой политики. Что же касается успеха нынешней политики открытости внешнему миру, в ее основе лежит повышение культурной силы, тогда как предлагаемое Янь Сюэтуном наращивание политической репутации без внимания к культуре не позволит нарастить «мягкую силу» Китая. Во внешней политике КНР неизменно следила за

своей репутацией, полагает эксперт, однако упадок культурной силы привел к ухудшению образа страны за рубежом — это недостаток деловой этики, низкие гуманитарные качества, утрата базовых ценностей, отсутствие заботы об окружающей среде и животных. Лу Ган призывает серьезно отнестись к повышению культурного потенциала Китая и его проекции вовне, дабы «дать миру почувствовать и обнаружить, что перед ним не великан, демонстрирующий мускулы и волю, а великая страна, чья цивилизация исполнена гуманности и любви, мудрости и вежливости; открыта и понятна, миролюбива и стремится к идеалам и высшим сферам»²³.

Отметим, что китайский лидер Ху Цзиньтао включает культуру в число инструментов, с помощью которых можно укреплять «мягкую силу» страны. В ноябре 2006 года на встрече с деятелями литературы и искусства он назвал «важной актуальной темой» «поиск направления, в котором должна развиваться культура Китая, придание нового блеска национальной культуре, повышение международной конкурентоспособности культуры Китая, наращивание мягкой силы государства»²⁴.

В январе 2007 года в ходе коллективной учебы в политбюро ЦК КПК, посвященной вопросам государственного управления Интернетом, Ху Цзиньтао вновь упомянул о «мягкой силе». Он заявил, что должным образом сформированная и контролируемая культура Интернета «полезна для наращивания мягкой силы Китая»²⁵. В докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК тема «мягкой силы» была включена в раздел, посвященный развитию культуры. Партийное руководство исходит из того, что в наши дни культура становится «все более важным элементом соперничества в совокупной государственной мощи», при этом развитие китайской культуры внутри страны должно сопровождаться повышением ее международного влияния²⁶.

Очевидно, что китайский партийно-государственный лидер относит «мягкую силу» к сфере культуры, и позиция профессора Лу Гана оказывается ближе к официальной трактовке проблемы, чем размышления Янь Сюэтуна. Вместе с тем дистанция между ними не столь велика, и выступления обоих экспертов указывают лишь на разные акценты в трактовке принятого властями курса на сбалансированное увеличение «совокупной государственной мощи», частью которой признана культура. В целом китайские политологи исходят из того, что для повышения «совокупной мощи» государству нужно сочетание «жесткой» и «мягкой силы». Когда «жесткая сила», включающая в себя экономический, научно-технический и военный компонент, достигла определенного уровня, наращивание «мягкой силы», в частности культурной притягательности, может создать эффект «мультипликатора» национальной мощи. Именно поэтому роль «мягкой силы» в современной мировой конкуренции становится все более заметной. И если ценностные представления страны господствуют в мировом политическом порядке, она обязательно займет в международном сообществе ведущее положение.

Об этом же говорит и профессор Лю Цзе из Института мировой экономики и политики Шанхайской академии общественных наук: китайская стратегия, считает он, обратилась к проблеме наращивания «мягкой силы» потому, что в результате быстрого подъема совокупной мощи уже пришло время расширить горизонты традиционного мышления, в рамках которого основной упор делался на «жестких» — экономических и военных — возможностях. Укрепление «мягкой силы», соответствующей положению и влиянию большой страны, станет дополнением к тем успехам, которых удалось добиться в экономической, политической и военной сферах. Сегодня необоснованное преувеличение военной силы государства и возросшего влияния

Китая на систему международных отношений побуждает сильные государства смотреть на Китай как на потенциального стратегического соперника. В результате позитивный эффект растущей мощи Китая умышленно или неумышленно ослабляется, а «мягкой силы» не хватает для того, чтобы содействовать улучшению внешнего имиджа Китая²⁷.

Теперь китайские пропагандисты сосредоточили усилия на создании привлекательного образа сильного, миролюбивого Китая, готового «поделиться» своим процветанием с другими странами, с тем чтобы они были заинтересованы в его дальнейшем возвышении. Очевидно, что Китай не может привлечь к себе, пропагандируя показатели народного благосостояния, поскольку они решительно несопоставимы с западными. Западные политические ценности также не могут стать частью китайской «мягкой силы», поскольку власти страны заявляют о неприемлемости для Китая модели многопартийной парламентской демократии. В итоге новый имидж Китая опирается на пропаганду успехов в области экономических преобразований и миролюбия национальной внешней политики, а также на повышение глобальной привлекательности китайской культуры.

Феномен продолжительного и быстрого экономического роста гарантирует политической системе КНР внимание со стороны стран, еще не выбравших для себя оптимальную модель развития. Юй Кэпин отмечает, что интерес к «китайской модели» связан, в частности, с провалом в Латинской Америке, Восточной Азии и России неолиберального «вашингтонского консенсуса». Тема модернизации в условиях глобализации актуальна для многих развивающихся стран, которые после неудачи «восточноазиатской» и «латиноамериканской» моделей обратились к успешному опыту Китая, где среднегодовой рост ВВП более двадцати лет удерживается на уровне около 9 процентов. При этом стра-

тегия и модель развития Китая, полагает Юй Кэпин²⁸, неизбежно вызывают глубокий интерес и в развитых странах Запада, поскольку возвышение Китая как крупного государства в условиях глобализации влияет на политико-экономическую архитектуру всего мира и на ход мировой истории.

Если в ближайшее десятилетие китайские власти смогут сократить разрыв между богатством и бедностью, остановить разрушение окружающей среды и провести хотя бы ограниченную реформу политической систе-

можно, увядают, оказавшись под контролем и влиянием иностранной мягкой силы. Поэтому важным стратегическим направлением развития мягкой силы Китая является упорядочение экономической структуры, основанной на внешней торговле и иностранном капитале, усиленная поддержка прогресса суверенной экономики и технологических инноваций, развитие открытой системы знаний, обладающей китайской спецификой»³⁰.

Особую тревогу вызывает «пассивный баланс» в культурном обмене Китая с зару-

“Пропагандисты сосредоточили усилия на создании образа сильного, миролюбивого Китая, готового «поделиться» своим процветанием с другими странами”.

мы, расширив участие граждан в политике, «китайская модель» сможет найти немало сторонников. Публицист Чжан Цзяньцзин отмечает, что для пополнения ресурсов «мягкой силы» Китаю нужно идти по пути устойчивого сбалансированного развития отношений между человеком и природой, экономикой и ресурсами. Внутри страны необходимо избежать ловушки «плохой рыночной экономики» и «капитализма для власти и знати», сосредоточив силы на строительстве заботливого конституционного государства. Следует также делиться плодами роста Китая со всем миром, двигаться по пути мирного, выгодного для всех, открытого и свободного развития²⁹.

Как побороть «культурный дисбаланс»

Китайские эксперты осознают, что нынешний статус Китая как «всемирной фабрики», изготавливающей продукцию для транснациональных корпораций, не способствует наращиванию «мягкой силы». «Китай “импортирует” иностранные знания, технологии и культурную продукцию, а его собственные знания, технологии и культурные продукты не только с трудом “экспортируются”, но даже, воз-

бежными странами. Ситуация столь серьезна, что на это обращают внимание иностранцы, отмечают китайские авторы. За минувший год в китайских СМИ и Интернете широко распространилось приписываемое экс-премьеру Великобритании Маргарет Тэтчер суждение о том, что Китай никогда не станет сверхдержавой. Причина якобы в том, что у Китая «нет привлекательного учения, которое могло бы использоваться для продвижения собственной власти и ослабления западных государств. Сегодняшний Китай экспортирует телевизоры, а не идейные концепции»³¹. Эти слова стали стимулом для осмысления места Китая в мире с позиций культурного национализма: настоящая великая держава становится мощной не в результате продажи миру рубашек или превращения в мировую перерабатывающую фабрику. Такая страна должна иметь потенциал культурного влияния на окружающий мир. «Эта культурная сила проявляется прежде всего в том, сколько у нас имеется культурной продукции, пригодной для экспорта за рубеж, чтобы она сформировала у иностранного потребителя психологическую

привязанность к ней. Но сейчас у нас нет ничего, что мы могли бы предложить на экспорт, мы намного отстаем в этом от стран Запада, и даже от Кореи и Сингапура»³².

В Китае сетуют, что проблема пассивного баланса в торговле культурной продукцией уже выходит за рамки чисто экономической проблематики. Хотя при вступлении в ВТО в 2001 году оговаривалось, что число закупаемых Китаем американских фильмов ограничивается 22 картинами в год, но с 2000-го по 2004 год импортировано 4332 картины, а число проданных китайских фильмов можно пересчитать по пальцам. По данным официальной статистики, в 2004 году Китай купил в США права на издание 4068 книг, а продал туда права на 14. В старших классах американских школ китайский язык изучают 24 тыс. человек, а французский — миллион; при этом английский в Китае учат все от младших классов школы до докторантуры. В 2005—2006 годах корейские сериалы занимали 25 про-

осуществлена коммерциализация китайской культуры. Элементы национальной культуры, которые хорошо заметны внешнему наблюдателю (литература, искусство, исторические рукописи, национальная одежда, исторические памятники, обычаи, праздники, каллиграфия, олимпийские талисманы и даже бумажные веера), необходимо продвигать во внешней торговле, а через них пропагандировать дух китайской нации. Подобные явные элементы можно копировать, а скрытые, те, что обеспечили непрерывность развития китайской культуры, иностранцы все равно не смогут позаимствовать.

Между тем в КНР преобладает традиционное представление, будто культура и торговля никак не связаны между собой, отчего Китай редко продает продукты культуры и оказывается не способен защитить собственные бренды. В результате храбрая героиня китайского народного эпоса Хуа Мулань (первые письменные упоминания о

“Китайские эксперты предлагают меры, чтобы ослабить противоречие между ростом мощи Китая и низким положением страны в мировом общественном мнении”.

центов телевизионного времени в различных провинциях Китая и выходили в эфир, как правило, в прайм-тайм. Теперь образ Кореи в глазах китайцев связан уже не с автомобилями и бытовой электроникой, а с сериалами, представляющими корейскую культуру. Японские комиксы заняли 10 процентов китайского рынка, компьютерные игры из Кореи, Японии, Германии, США — 75 процентов.

По мнению Чжао Югуана, отрицательное сальдо в «товарообороте» культурной продукции стало в первую очередь результатом пренебрежения к традиционной культуре, которая и поныне подвергается критике за консерватизм и противопоставляется реформам и открытости. Кроме того, не была

ней относятся к IV—VI вв.) стала диснеевским брендом, а классический роман XIV века «Троецарствие» был использован в японской игровой компьютерной программе. «Все это не только растрата культурных ресурсов, но и разрушение внутреннего ядра наших культурных факторов, преобразование наших генов, — сокрушается профессор Чжао Югуан, — а нас это даже не тревожит»³³. Ситуация усугубляется тем, что, продвигая свои товары на мировой рынок, производители не стремились привлечь внимание к их китайскому происхождению. О производстве в Китае товаров под брендами международных корпораций нечего и говорить — в нем фактор национальной культуры

полностью исключен. Да и правительство не принимает конкретных мер по продвижению китайской культурной продукции на внешний рынок³⁴.

После прихода к власти Ху Цзиньтао китайское руководство заметно активизировало эту работу. В 2004 году во Франции во время встречи года Обезьяны на Эйфелевой башне зажгли 280 красных фонарей. В начале 2007 года в 49 странах действовали 123 института Конфуция, созданные с целью пропаганды за рубежом китайского языка и культуры. Образцом для китайцев послужил опыт немецкого Института Гёте и испанского Института Сервантеса, но при этом институты Конфуция распространяются по странам мира с беспрецедентной скоростью: в 2006 году очередной новый филиал появлялся каждые четыре дня³⁵. Вслед за ростом популярности китайского языка все больше иностранцев стремятся сдать стандартный тест на владение китайским (*HSK*, сокр. от *Ханьюй шуйтун каоши* — Международный квалификационный экзамен по китайскому языку). Вместе с тем китайские эксперты советуют не смешивать рост популярности языка с успешной проекцией «мягкой силы» — в большинстве случаев это свидетельствует лишь о том, что иностранцы признают факт подъема экономики Китая и считают, что знание китайского — важное подспорье в развитии собственного бизнеса или удачном трудоустройстве.

Культурно-информационный прорыв за границу нужен и для противодействия западным СМИ, занятым, по мнению китайских политических комментаторов, целенаправленной «демонизацией Китая». Китайские аналитики полагают, что «американские новостные СМИ преисполнены особой враждебности к Китаю, они не видят прогресса и развития китайского общества, всячески преувеличивают угрозу со стороны Китая для США, измышляют на пустом месте, подделывают факты, распространяют в отношении

Китая злобную клевету и подвергают его нападкам, чтобы дезориентировать народные массы»³⁶. Для того чтобы ослабить противоречие между ростом мощи Китая и неадекватно низким положением страны в мировом общественном мнении, эксперты предлагают государству усилить работу в области пропаганды за рубежом. Для этого потребуются увеличить вложения в информагентство «Синьхуа» и зарубежное издание партийной газеты «Жэньминь жибао», международные каналы Центрального ТВ, иновещание Международного радио Китая. Они должны расширить распространение информации за рубежом, сперва добиваясь влияния в китайскоязычной среде³⁷, а затем увеличивая объем вещания на английском и других языках. В течение пяти лет необходимо создать авторитетный общемировой китайский телеканал, а за 10 лет — влиятельный канал на английском языке. Первый шаг в этом направлении уже сделан — круглосуточный англоязычный канал китайского Центрального телевидения *CCTV International (CCTV-9)* работает с сентября 2000 года; на сайте канала в Интернете сообщается о 45 миллионах подписчиков за пределами Китая.

Ху Аньган и Чжан Сяоцунь предлагают поработать также над укреплением главных государственных новостных интернет-порталов, увеличивая объем размещаемых новостей и количество языков освещения. При этом необходимо провести структурные реформы китайских СМИ, способствовать их слиянию в крупные межотраслевые корпорации, поддерживать их выход во внешний мир, предоставлять финансовую поддержку и налоговые льготы китайским компаниям, создающим за рубежом газеты, журналы и вещательные станции. Эксперты предполагают, что за 5–10 лет Китай смог бы создать несколько медиакорпораций мирового уровня³⁸.

«Культурный дисбаланс», который ныне свидетельствует о слабости «мягкой силы»

Китая, может быть смягчен, если удастся освоить и адаптировать к местным реалиям зарубежный опыт распространения культурного влияния. К чести китайских экспертов и чиновников, в стране практически не звучат призывы к восстановлению «культурного баланса» путем ограничения доступа в страну иностранных произведений. Китай продолжает учиться у Запада тому, как стать сильным и богатым, но теперь к сфере китайских интересов добавился иностранный опыт создания «мягкой силы».

Профессор исторического факультета Пекинского университета Цянь Чэндань, выступавший в ноябре 2003 года с лекцией на коллективной учебе Политбюро ЦК КПК на тему «Исследование истории развития главных государств мира с начала XV века», полагает, что с точки зрения развития мировой истории в Новое и новейшее время главным инструментом возвышения государств было создание и обновление «мягкой силы», воплощенной в институтах и культуре. Ученый отметил, что в Китае надо обратить внимание на создание институтов, связанных с идейной и нравственной стороной жизни людей. Китайское общество находится в процессе становления, людям недостает гражданского сознания и понимания общей пользы, цивилизованность отстает от других стран. Впрочем, в Европе XVIII века повсюду можно было видеть, как люди плюются и дерутся, но спустя 200 лет ситуация изменилась благодаря тому, что был сделан упор на образование, законы и контроль. Иностранный опыт свидетельствует, что повышение уровня цивилизованности — это длительный процесс, требующий непрерывных усилий, и потому Китаю нужно думать о том, что находится за пределами экономики в тех сферах, которые не могут быть выражены в цифрах³⁹.

Специально созданная при Китайской академии современных международных отношений группа исследований «мягкой силы»

поставила перед собой задачу оценить потенциал влияния различных стран; результаты были представлены руководству и общественности. Исследователи установили, что для США «мягкая сила» стала «острым оружием сверхдержавы» и, несмотря на ослабление этого ресурса из-за войны в Ираке, опыт ее накопления и использования для глобального продвижения американских ценностей заслуживает самого внимательного изучения. Преимущества «мягкой силы» Европы, по мнению китайских аналитиков, проявляются в органическом соединении богатой культуры, обладающей международной привлекательностью, ценностей прав человека и демократии, мультилатерализма и отказа от силового принуждения в пользу убеждения в международной политике. При оценке ресурсов Индии, полагают китайские эксперты, следует обратить внимание на глубокие культурные традиции, способствующие поддержанию стабильности и гармонии в обществе, особую модель развития, уделяющую внимание потреблению, сфере обслуживания и высоким технологиям. Страна имеет благоприятные условия для общения с Западом благодаря общности в идеологии и институтах, при этом быстрое развитие «жесткой силы» Индии сопровождается вниманием к использованию «мягкой силы». Для Японии и Кореи проекция «мягкой силы» основана на глобальном и региональном сбыте своей массовой культуры.

Что же касается России, то, по мнению китайских исследователей, после распада СССР ее «мягкая» и «жесткая сила» стали быстро убывать. В политической системе Россия постепенно нашла путь «контролируемой» и «суверенной демократии», который соответствует специфике страны, но на Западе рассматривается как отступление от демократических норм. Благодаря экспорту энергоресурсов в России «имеет место рост, но нет развития», что создало ей имидж «нефтяного нувориша» и мешает возрождаю-

щейся российской экономике завоевать доверие на мировом рынке. В восприятии многих людей на Западе Россия остается государством диктатуры, догм и коррупции, а ключевыми словами в ее имидже являются «олигархия», «мафия», «шпионы» и «скинхеды». Все это приводит к тому, что Россия теряет баллы в «мягкой силе», а из-за настроенного отношения к России на Западе и в мире в целом ее развитие наталкивается на значительные нематериальные препятствия⁴⁰.

Зримым свидетельством китайского интереса к иностранному опыту в деле накопления глобальной мощи и влияния стал 12-серийный

завоевывая гегемонию с опорой на противостояние блоков. В идеале великая мировая держава должна с более широких позиций преследовать собственные государственные интересы; чтобы добиться этого, надо соединить имеющую притягательность мягкую силу с жесткой»⁴². Очевидно, что этот рецепт адресован будущему Китаю.

Америка и Россия в китайском зеркале

Стремление Китая включить «мягкую силу» в свой внешнеполитический арсенал на Западе не прошло незамеченным. В 2007 году американский эксперт Джошуа Курланцик опублико-

“По мнению китайских исследователей, экспорт энергоресурсов создал России имидж «нувориша», что мешает ее экономике завоевать доверие на мировом рынке”.

документальный фильм «Возвышение великих держав», который осенью 2006 года продемонстрировало Центральное телевидение КНР⁴¹. Примечательно, что название фильма напоминает о лозунге «мирного возвышения» Китая, не оправдавшем надежды властей. В закадровом комментарии к фильму авторы отмечали, что «до настоящего дня загадку великих держав по-прежнему трудно разгадать, но невозможно отрицать ту роль, которую сыграла в их возвышении сила влияния идей и культуры». Если до 60-х годов гегемонистским государствам была нужна империя, то сегодня им необходим рынок, а секрет его завоевания в том, чтобы «обладать самой главной в настоящее время конкурентоспособностью — способностью к инновациям в науке и технике». С началом нового тысячелетия глобальный рынок тесно связал весь мир. «Будь то возвышающиеся державы или же державы, сохраняющие свое положение, — утверждают авторы фильма, — они не могут более идти по старому пути, с помощью войны разрушая существующую международную систему и

вал книгу «Обаяние как наступательное оружие: как мягкая сила Китая меняет мир»⁴³, в которой обрисовал механизмы китайского проникновения в Юго-Восточную Азию, Латинскую Америку и Африку. Курланцик попытался показать, как Китай использует дипломатию, международную помощь, инвестиции, торговые преференции, культуру и научные обмены для влияния на развивающиеся страны. По мнению автора книги, американские политики так увлеклись войной в Ираке и борьбой с международным терроризмом, что позабыли о проекции собственной «мягкой силы», создав пустоту, которую ныне заполняет Китай. Курланцик предположил, что Китай может стать первым государством после распада СССР, которое попытается бросить вызов США.

Гипотеза американского автора ставит под сомнение многократно повторяемые обещания Китая «не становиться гегемоном» и не прибегать к экспансии. Очевидно, что китайский «вызов» Америке не предполагает новой гонки вооружений, способной обескровить китайскую экономику. Не возродится проти-

востояние двух систем, поскольку Китай взял курс на интеграцию в мировое хозяйство и извлечение максимальной выгоды из участия в глобализации. Успех экономической реформы стал основой финансовой мощи Китая, получившего возможность стать крупным инвестором и донором для развивающихся стран. Однако говорить о триумфе «китайской модели» еще рано — у Китая слишком много внутренних проблем, о которых власти говорят открыто. Потенциал китайской «мягкой силы» остается скромным, тогда как «вызов» Америке со стороны Китая носит не абсолютный, а относительный характер. По существу, критика Курланцика направлена не столько против Китая, сколько против политики администрации Джорджа Буша, ведь

стать распространению влияния Китая. Америке нужно исправить ошибки и вернуть в свою орбиту страны, которые сейчас тянутся к Китаю. Для этого нужно снижать торговые барьеры, создавать новые каналы для инвестиций и говорить с иностранными лидерами не только о борьбе с терроризмом, но и о том, что волнует другие страны.

В Китае книга Джошуа Курланцика была воспринята как очередной вариант «теории китайской угрозы». Доцент Центра американских исследований Фуданьского университета Ван Ивэй полагает, что автор находится во власти западных стереотипов, отчего сложившиеся представления о «жесткой силе» механически использованы применительно к «мягкой силе» по принципу «если тут длинно,

“Возможное соперничество России и Китая за влияние на третьи страны в обозримом будущем не выйдет за пределы региона постсоветской Центральной Азии”.

затянувшаяся война и хаос в Ираке сильно ослабили американский потенциал «мягкого» воздействия на другие страны. На этом фоне даже самые небольшие успехи Китая могут показаться непропорционально значительными и даже устрашающими.

Курланцик призывает США обратить внимание на китайскую «мягкую силу» и заняться ее пристальным изучением. В частности, он предлагает вспомнить опыт холодной войны, когда в каждом посольстве США был сотрудник, который наблюдал за тем, что делает в этой стране СССР. Настало время вернуться к этой практике, с тем чтобы в каждом посольстве США имелся сотрудник, исследующий отношения этой страны с Китаем, в частности китайскую помощь, инвестиции, публичную дипломатию и визиты китайского руководства. Автор книги советует США восстановить свой собственный «мягкий» потенциал, чтобы противодей-

то там коротко». Но с точки зрения Ван Ивэй, если Курланцик считает, что американские ценности свободы и процветания по-прежнему манят весь мир, а упадок «мягкой силы» США носит временный характер и связан, прежде всего, с просчетами администрации Буша, то китайцам необходимо выработать собственный взгляд на проблему «мягкой силы». Китай не хочет ни с кем соперничать, но его усиление происходит на фоне ослабления Запада, который сползает к консерватизму, что тревожит самих американцев. По мнению китайского эксперта, возвышение Китая является не случайностью, связанной с чьими-то недоработками, а проявлением тенденции к неизбежному возвышению развивающихся стран в процессе глобализации, свидетельством чему — возникновение феномена БРИК. Успех китайской модели, настаивает Ван Ивэй, показал развивающимся странам, что возможен другой, незападный мир, что побудило многие

страны искать собственную модель развития и стремиться к многообразному миру. Ван Ивэй призвал выйти за узкие рамки сопоставления Китая и США и смотреть на китайскую «мягкую силу» в контексте общего соотношения сил развивающихся и развитых стран⁴⁴.

Нужно ли России реагировать на рост «мягкой силы» Китая? Глобальный алармистский настрой Джошуа Курландика не слишком уместен в российских условиях, поскольку возможное соперничество России и Китая за влияние на третьи страны в обозримом будущем не выйдет за пределы региона постсоветской Центральной Азии. В состязании двух стран заведомо нет места драматической борьбе демократических идеалов с авторитаризмом, поскольку пути реформ одинаково ведут Россию и Китай в сторону управляемой демократии и подконтрольного рынка. Вместе с тем России следует обратить самое пристальное внимание на растущее влияние Китая, поскольку из успехов и неудач восточного соседа в применении «мягкой силы» можно извлечь полезные уроки для создания собственного потенциала нематериального влияния.

Сегодня попытки и Китая, и России создать в глазах зарубежной аудитории позитивный имидж страны сталкиваются со сходными проблемами. Во-первых, обеим странам приходится убеждать иностранцев в том, что усиление их экономической мощи не представляет угрозы для сбалансированного развития глобальной экономики. Зарубежные критики ставят в упрек Москве и Пекину государственное вмешательство в экономику, призывают к либерализации и более широкому допуску иностранцев к ключевым отраслям (сырьевой сектор, банки, страхование и т. д.). Можно также отметить сходство между критикой в адрес России за использование сырьевого экспорта в политических целях и осуждением Пекина за использование торговли и инвестиций для поддержки недемократических государств Третьего мира.

Во-вторых, обе страны претендуют на статус региональной державы. Китай стремится восстановить и расширить свое влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Россия — на постсоветском пространстве. И в России, и в Китае звучат требования признать исторически сложившуюся роль страны как регионального лидера. Соответственно, можно найти немало общего в зарубежных призывах к противодействию «имперским амбициям» Москвы и Пекина.

В-третьих, обе страны подвергаются критике за несовершенство демократических политических институтов и несоответствие западным политическим эталонам. Несмотря на заметное различие политических систем, упреки в адрес России за «откат от демократии» нередко звучат куда громче, чем критика Китая за «нарушения прав человека». Западные эксперты зачастую полагают, что Китай с его авторитарной однопартийной системой медленно продвигается в «правильном направлении», тогда как Россия, где уже наличествуют институты многопартийности и парламентаризма, выбрала «неправильный курс».

В-четвертых, обе страны позиционируют себя в современном мире как наследники уникальных культурно-цивилизационных традиций, отличных от западного евроамериканского наследия. Хотя Китай в большей мере, чем Россия, настаивает на данном различии, обе страны заняты выработкой обновленных «национальных идей», что привело в последние годы к появлению на свет концепций «гармоничного общества / мира» и «суверенной демократии». Обеим странам приходится выслушивать упреки из-за рубежа в нежелании воспринять ценности либеральной демократии. Это побуждает равно и Китай, и Россию объяснять внешнему миру, что несходство их ценностей с западными не ведет к конфликту и выступает важным элементом глобального многообразия цивилизаций.

Элиты России и Китая объединяет представление о том, что некие международные «антироссийские» или «антикитайские» силы не хотят усиления этих стран, стремятся создать для них проблемы, затормозить их развитие, не дать им укрепить свое влияние и занять подобающее место на международной сцене. История китайского противодействия зарубежным теориям «угрозы» и «краха» может оказаться полезной для более глубокого осмысления нынешней полемики между Россией и Западом. Изучение китайского материала и сопоставление его с российским опытом показывает, что проекция сходных стереотипов порождает не менее сходные ответные реакции. Так, например, осуждение России в западных СМИ за попытки влиять на происходящее в сопредельных странах и нежелание допустить Запад к разработке ее углеводородных ресурсов сильно напоминает взгляд на Китай с точки зрения «теории угрозы». А рассуждения о том, что в случае падения цен на нефть России грозит системный кризис, чреватый развалом нынешнего политического устройства, не слишком отличаются от хорошо знакомой китайцам «теории краха».

Реформы Дэн Сяопина опередили российские преобразования почти на десятилетие. Это дает нам возможность увидеть в сегодняшнем Китае как свои будущие про-

блемы, так и пути их решения. Волна государственничества и национализма захлестнула Китай в начале 1990-х, когда наступило разочарование в связи с окончательным крахом демократического движения 1980-х. В России сходная тенденция стала заметна примерно через десятилетие. В начале 2000-х китайская элита крайне болезненно реагировала на западную критику, упрекая иностранцев в стремлении затормозить развитие Китая. Теперь похожие умонастроения распространились в России.

Однако Китай уже выходит за пределы «оборонительной» пропаганды, построенной на осуждении иностранных происков, критике зарубежного вмешательства во внутренние дела и защите от проникновения чужих ценностей. Хотя все эти устремления не исчезли, Пекин пытается выйти на новый этап взаимодействия с внешним миром, ставя задачи активной пропаганды китайских ценностей и достижений, создания привлекательного имиджа за рубежом. Если рост экономики России приведет в ближайшее десятилетие к ощутимому увеличению национальной мощи, китайский опыт наращивания «мягкой силы» может оказаться для российской политической элиты интересным — и, возможно, в чем-то даже полезным.

Примечания ¹ Лозунг «мирного развития» был подтвержден в докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК: «Китай будет неуклонно идти по пути мирного развития. Этот стратегический выбор был сделан правительством и народом Китая с учетом тенденций развития эпохи и собственных коренных интересов. Китайская нация — это нация, которая горячо любит мир, а Китай всегда был и будет надежной силой, защищающей мир во всем мире». См.: Ху Цзиньтао. Гао цзюй Чжунго тэсэ шэхуйчжуй вэйда цичжи, вэй доцюй цюаньмянь цзяньшэ сяокан шэхуй синь шэнли эр фэньдоу.

Цзай Чжунго гунчаньдан ди шици цы цюаньго дайбяо дахуй шан дэ баогао (2007 нянь 10 юэ 15 жи) (Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, бороться за новую победу в деле полного построения среднезажиточного общества. Доклад на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая 15 октября 2007 года). Информационное агентство «Синьхуа». Пекин. 2007. 24 окт.

² A Translation of Chinese President Hu Jintao's Remarks at Yale. 2006. Apr. 21. (http://www.yale.edu/opa/hu/download/transcript_Hu_20060421.doc).

³ В подчинении ЦК КПК находятся две структуры, занятые теоретическими разработками. Центральная партшкола КПК как главная кузница руководящих кадров отличается ортодоксальным подходом к партийной идеологии. Бюро переводов специализируется на изучении зарубежного марксизма; труды сотрудников этой организации имеют заметную социал-демократическую окраску, а их выступления могут носить дискуссионный характер. К примеру, эссе Юй Кэпина о пользе демократии появилось в китайских СМИ в октябре 2006 года. Однако лишь после публикации его в январе 2007 года в газете «Сюэси шибао» («Время учебы»), издающейся под эгидой Центральной партшколы, некоторые эксперты предположили, что текст пропагандируется по указанию руководства и отражает его взгляды.

⁴ Юй Кэпин. Хэсе шицзе линянь ся дэ Чжунго вайцзяо (Идеал гармоничного мира и китайская дипломатия) // Ляован синьвэнь чжоукань. 2007. № 17. С. 31.

⁵ Кит. *тянься датун*. Речь идет о древней утопии «Великого единения», представленной в конфуцианском каноне «Ли цзи» («Записки о правилах благопристойности», IV–I вв. до н. э.): «Когда шли по великому пути, Поднебесная принадлежала всем, [для управления] избирали мудрых и способных, учили верности, совершенствовались в дружелюбии. Поэтому родными человеку были не только его родственники, а детьми — не только его дети. Старцы имели признание, зрелые люди — применение, юные — воспитание. Все бобыли, вдовы, сироты, одинокие, убогие были присмотрены. Своя доля была у мужчины, свое прибежище — у женщины. Нетерпимым [считалось] тогда оставлять добро на земле, но и не должно было его копить у себя; нестерпимо было не дать силам выхода, но и не полагалось [работать] только на себя. По этой причине не возникали [злые] замыслы, не чинились кражи и грабежи, мятежи и смуты, а люди, выходя из дому, не запирали дверей. Это и называлось Великим единением» (перевод И.С. Лисевича. Цит. по: *Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах*. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 100). В феврале 2005 года Ху Цзиньгао подробно цитировал этот фрагмент из «Ли цзи» на совещании с руководящими кадровыми работниками провинциального уровня по вопросам «гармоничного общества» (см.: Жэньминь жибао. 2005. 27 июня).

⁶ Кит. *хэ эр бу тун*. Эта фраза из «Бесед и размышлений» Конфуция (см. Лунь юй 13:23) стала частью современного китайского «гармоничного» дискурса. В переводе российского китаевода Леонарда Переломова она звучит следующим образом: «Благородный муж стремится к единству через разномыслие, но не стремится к единству через послушание. Маленький человек стремится к единству через послушание, но не стремится к единству через разномыслие». В контексте современной внешней политики КНР эта древняя мудрость означает, что Пекин будет вести себя как «благородный муж» и будет стремиться к единству с Западом через «разномыслие», отвергая призывы к подчинению западным ценностям. О различных вариантах перевода и толкования этого фрагмента см.: Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй». М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. С. 396–398.

⁷ Юй Кэпин. Указ. соч. С. 31.

⁸ Лю Цзяньфэй. «Чжунго цзэжэнь лунь»: тяочжань хайши цзюй («Теория ответственности Китая»: вызов или шанс) // Ляован синьвэнь чжоукань. 2007 № 23. С. 64 (рубрика «Чжуаньцзя гуаньдянь»).

⁹ О китайских оценках западных представлений о «китайской угрозе» в экономической сфере см.: Борох О.Н. Перспективы экономики КНР: зарубежные оценки в зеркале китайской критики // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 3. С. 94–111. Военно-политические аспекты «китайской угрозы» были отражены в работе американских журналистов Ричарда Бернштейна и Росса Монро «Грядущий конфликт с Китаем» (*Bernstein R., Munro R. The Coming Conflict With China*. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1997), которая вызвала большое недовольство в Китае. Мрачные предсказания нестабильности и хаоса можно найти в книге Гордона Чана «Грядущий крах Китая» (*Chang G. G. The Coming Collapse of China*. N. Y.: Random House, 2001). Рецензию на эту книгу см.: Ломанов А.В. Убить «бумажного дракона» // Россия в глобальной политике. 2002. № 1. Ноябрь–декабрь. С. 172–175.

¹⁰ Лю Цзяньфэй. Указ. соч. С. 64.

¹¹ Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N. Y.: Public Affairs, 2004. Най Дж. Гибкая власть: Как добиться успеха в мировой политике. Пер. с англ. Новосибирск; Москва: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006. Рецензию на эту книгу см.: Pro et Contra. 2006. Т. 10. № 2–3.

¹² Ху Цзиньтао. Гао цзюй Чжунго тэсэ шэхуйчжуи вэйда цичжи...

¹³ Гоцзя чжаньлюэ синь лодянь (Новый предмет внимания стратегии государства) // Ляован синьвэнь чжоукань. 2007. № 11. С. 20.

¹⁴ Миньчжу ши гэ хао дунси: Юй Кэпин фантань лу (Демократия – вещь хорошая: Записи бесед с Юй Кэпином) / Сост. Янь Цзянь. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2006. С. 108.

¹⁵ См. чжан 43 древнекитайского памятника «Канон Пути и благодати» (Даодэцзин), приписываемого основателю даосизма Лао-цзы (кон. VII – нач. VI в. до н. э.).

¹⁶ Ван Цзяньцзюнь. Жуань шили «шэн вэй» (Повышение «статуса» мягкой силы) // Ляован синьвэнь чжоукань. 2007. № 11. С. 16.

¹⁷ Сунь-цзы. Искусство стратегии. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. С. 82.

¹⁸ Янь Сюэту. Чжунго жуаньшили ю дай тигао (Мягкая сила Китая ждет повышения) // Чжунго юй шицзе гуаньча. Сянган. 2006. № 1. С. 1.

¹⁹ Там же. С. 5.

²⁰ Янь Сюэту. Жуаньшили дэ хэсинь ши чэнчжи шили (Ядро мягкой силы – политическая сила) // Хуаньцю шибао. 2007. 22 мая.

²¹ Лу Ган. Вэньхуа шили жо жан Чжунго шифэнь (Слабость культурной силы приведет к тому, что Китай утратит свою долю) // Хуаньцю шибао. 2007. 19 июня.

²² Дж. Най. Указ. соч. С. 109–112.

²³ Лу Ган. Указ. соч.

²⁴ Жэньминь жибао. 2006. 11 нояб. С. 1.

²⁵ http://news.xinhuanet.com/politics/2007-01/24/content_5648188.htm

²⁶ Ху Цзиньтао. Гао цзюй Чжунго тэсэ шэхуйчжуи вэйда цичжи...

²⁷ Ван Цзяньцзюнь. Указ. соч. С. 18.

²⁸ Миньчжу ши гэ хао дунси: Юй Кэпин фантань лу. С. 96.

²⁹ Чжан Цзяньцзин. Чжунго цзюэци – тунсян даго чжи лу дэ Чжунго цэ (Возвышение Китая – китайский план пути к великому государству). Пекин: Синьхуа чубаньшэ, 2005. С. 173–188.

³⁰ Пан Чжунбин. Фачжань Чжунго жуань шили (Развивать мягкую силу Китая) // Ляован синьвэнь чжоукань. 2006. № 1. С. 63.

³¹ Эту цитату, якобы содержащуюся в мемуарах Тэтчер, китайские авторы приводят по публикации в журнале «Фэнхуан чжоукань» (2006. № 16).

³² Чжао Югуан. Вого дуйвай вэньхуа маои нича цзи ци юаньинь фэньси (Пассивный баланс нашей страны во внешней торговле культурой и анализ его причин) // Гоцзи маои. 2006. № 10. С. 32.

³³ Там же. С. 33.

³⁴ Там же.

³⁵ Синьхуа. Пекин. 2007. 1 янв.

³⁶ Цзинь Синь, Сюй Сяопин. Чжунго вэньти баогао. Синь шицзи Чжунго мяньлинь дэ яньцзюнь тяочжань. 2002 нянь цюаньсинь сюдинбань (Доклад о проблемах Китая. Серьезные вызовы, стоящие перед Китаем в новом веке. Новое издание 2002 года). Пекин: Чжунго шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2002. С. 357.

³⁷ Под юрисдикцией Китая, но за пределами контролируемого Пекином информационного пространства живут 7 млн обитателей Сянгана и Аомэня. Китайские власти хотели бы оказывать влияние и на 22 млн жителей Тайваня, где все сильнее распространяются сепаратистские настроения, ставящие под вопрос перспективы воссоединения страны. За пределами «большого Китая» в Азии, Северной Америке и Европе проживает более 30 млн этнических китайцев.

³⁸ Ху Аньган, Чжан Сяоцзюнь. Чжунго чуаньмэй сюньсу цзюэци дэ шичжэн фэньси (Доказательный анализ быстрого возвышения китайских СМИ) // Чжаньлюэ юй гуаньли. 2004. № 3. С. 29.

³⁹ Цянь Чэндань: чжиду цзяньшэ чжанци жуань шили (Цянь Чэндань: строительство институтов поднимет мягкую силу) // Ляован синьвэнь чжоукань. 2007. № 11. С. 27.

⁴⁰ Жуань шили дэ гоцзи цзецзянь (Международный опыт мягкой силы) // Ляован синьвэнь чжоукань. 2007. № 11. С. 32–33.

⁴¹ Подробнее об этом фильме и его связи с дебатами о «возвышении Китая» см.: Карнеев А.Н. Китай и глобализация через призму дискуссий китайских ученых // Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности. Сб. статей международной научной конференции, Москва, 7–8 ноября 2006 г. Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Рубежи XXI века, 2007. С. 45–63.

⁴² Да дао син сы (Мысли о Великом пути) // Синьхуа юэбао. Тянься. 2007. № 5. С. 119.

⁴³ Kurlantzick J. Charm Offensive: How China's Soft Power Is Transforming the World. Yale Univ. Press, 2007.

⁴⁴ http://news.xinhuanet.com/world/2007-09/04/content_6659527.htm